

ШОКИРУЮЩАЯ

МУЗЫКА

КРИСТОФЕР
ЛОУРЕНС

Издательство АСТ
Москва

0812

УДК 78(091)
ББК 85.31
Л81

Воспроизводство любой иллюстрации
для изучения или как предмета искусства допустимо.
Любое коммерческое использование
воспроизведенных или скопированных рисунков из этой публикации
допустимо только с письменного согласия издателя.

Печатается с разрешения агентства Synopsis Literary Agency.

Christopher Lawrence

SWOONING: A Classical Music Guide to Life, Love, Lust and Other Follies

Перевод с английского *Елены Воронович*

Лоуренс, Кристофер.

Л81 Шокирующая музыка / Кристофер Лоуренс. — Москва:
Издательство АСТ, 2024. — 208 + (16 вкл.) с.: ил. — (*Шокирующее искусство*).

ISBN 978-5-17-156668-5

История классической музыки и жизнь знаменитых музыкантов изобилует убийствами, прелюбоденнями, двоеженством, мошенничеством, богатством, бедностью, обжорством, нервными срывами, странным поведением и ужасным, ужасным туалетным юмором (Моцарт был главным выразителем последнего). Классическая музыка — приятная? Вам только так кажется. Это самое непосредственное выражение ментальных и эмоциональных крайностей великих людей: часто обманчивых, иногда опасных и часто вызывающих дискомфорт откровений.

«Шокирующая музыка» документирует всю подноготную великих композиторов, выдавая их самые сокровенные секреты. Книга состоит из разделов, каждый из которых соответствует какому-то музыкальному обмороку: любовь, похоть, избыток и одержимость, триумф и радость. Среди музыкантов-героев «Шокирующей музыки» Моцарт, Вагнер, Берлиоз, Пуччини, Грейнджер и другие.

УДК 78(091)
ББК 85.31

Copyright © Christopher Lawrence, date of the original Australian publication

This edition published by arrangement with Nero, an imprint of SCHWARTZ BOOKS PTY LTD and Synopsis Literary Agency

© Shatterstock, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2024

ISBN 978-5-17-156668-5

СОДЕРЖАНИЕ

Затакт

Создание увертюры

— 8 —

Любовь

Гектор Берлиоз
и крылья любви

— 16 —

Любовь убивает

— 23 —

Незаменимые средства
для любви

— 31 —

Несколько полезных
советов о любви

— 33 —

Tutti, то есть кое-что
для каждого

— 37 —

Излишество и одержимость

Перси Грейнджер
и его единственный интерес

— 54 —

Вот некоторые
из распространенных
бесчинств

— 65 —

Большая опера

— 72 —

Чрезмерные ноты

— 75 —

Триумф

Рихард Вагнер
и то, что сделало
весь мир его должником

— 78 —

Этот сопляк Иоганн,
наконец-то

— 92 —

Радость

Эммануэль Шабрие
и глубина фривольности

— 94 —

Оды к радости

— 101 —

Во славу благодарности — 104 —	Другие свободные души — 169 —
Музыкальные лайфхаки — 106 —	Путешествия и паломничества — 172 —
Ярость Людвиг ван Бетховен и инцидент с тарелкой «Это поцелуй Тоски!» — 126 — В аду нет ярости — 141 —	Надежда Росс Эдвардс и смелые перемены — 176 — Вера — 186 — Музыка как надежда — 192 —
Печаль Чайковский и его красавица в слезах — 144 — Печаль — это интересно — 154 — Печаль расставания — 157 —	Умиротворение Хильдегарда Бингенская и летающее перо — 194 — Мирные рекомендации — 199 — Забери меня отсюда, Вирила — 203 —
Воля и освобождение Вольфганг Амадей Моцарт и пинок под зад — 160 —	Кода — 205 —

ЗАТАКТ

Вы наверняка слышали о фильме, снятом по книге, или о мюзикле, созданном по мотивам пьесы. Но то, что вы держите в руках сейчас, — нечто другое. Это книга о классической музыке, основанная на чувствах, которые эта музыка вызывает. Книга о предмете, который, по всеобщему мнению, невозможно описать словами и чьи продолжительные удовольствия были бы неведомы человеку, буквально понявше-

му название книги. Вряд ли вы услышите хоть что-то, если отключитесь.

В этом и кроется вся нелогичность бренда, каким стала небольшая радиопередача, которую я начал вести еще в прошлом веке. Но каков продукт! Сегодня, когда наши возможности выразить или даже обдумать свое высказывание сократились до кратких банальностей в социальных сетях, многие из самых прекрасных идей, когда-либо возникавших у людей, — билет, позволяющий прокатиться на звуке, голосе или мелодии до самого отдаленного уголка нашего внутреннего мира. Это замечательное занятие, возможно, самое творческое из того, что вы сделаете за день. Люди годами спрашивали меня, почему это непринужденное словечко, примененное к музыке, произвело такой фурор (простите!), и лучшее из того, что я могу ответить: в глубине души мы все поэты. Да, вы тоже.

Повторное появление «Шокирующей музыки» (в англоязычном оригинале *Swooning* — «Обморок») в мягкой обложке лестно, хотя и удивительно. Конечно, если бы книги с хотя бы легким дуновением «самопознания» были действительно успешными, они никогда больше не увидели свет: миссия выполнена. С другой стороны, музыка, которая беззвучно льется с этих страниц, по меркам современной розничной торговли имеет потрясающий срок хранения, и никакого устаревания не намечается. Срок годности Моцарта не истекает в конце месяца. Чайковский 1,0 вряд ли требует обновления. Дело в том, что классика — это парад. За годы, прошедшие с момента выхода этой книги, гораздо больше людей, столкнувшись с понравившимся им произведением классической музыки, не отказались бы получить дополнительные советы о том, как наконец понять пресловутые прописные истины.

Как я уже отмечал, эта небольшая книга не ставит своей целью научить вас «как». Подобные объяснения содержатся в профессиональных толстых томах исследований.

Но и в этом случае нет никаких гарантий. Игорь Стравинский, чей балет «Весна священная» вызвал в 1913 году бунт со свистом и воплями шокированной публики, как известно, сказал: «Я не понял в своей жизни ни строчки музыки, но я ее почувствовал». Спасибо большое, Игорь. Если этот вопрос ставил в тупик одного из самых талантливых и образованных композиторов всех времен и народов, то на что же надеяться нам? Для него тоже всё решали чувства, и именно к ним приведет вас «Шикирующая музыка». Меню, касающееся столь невещественных вопросов, вряд ли заслуживает страницы «Содержание», но, поскольку вы в ближайшие несколько часов приглашены на Концерт жизни, мы, по крайней мере, можем предложить вам программку.

Создание увертюры

Музыка была изобретена, чтобы обманывать и вводить в заблуждение человечество.

Эфор Кимский (IV в. до н. э.)

Нельзя отрицать, что музыка способна проникать в душу и будоражить ее. На протяжении тысячелетий многие изумлялись или негодовали по поводу ее соблазнительной силы. С тех пор как камни стали отбивать ритм, как губы сжимали бамбук, как из натянутых на деревянную раму овечьих кишок извлекали звук, чувства не раз бросали вызов рассудку.

И наоборот, ее сила как проводника массовых эмоций не вызывает сомнений — спросите любую толпу футбольных болельщиков. Если религия действительно является опиумом для народа, то музыка — это опиумная трубка. Этот гипноз работает не только для множества людей, уязвимый в состоянии одиночества человек может разрыдаться от нахлынувших чувств, навеянных услышанной мелодией. Всплывают далекие воспоминания, прокручиваются давно забытые фрагменты жизни. Мы становимся теми, кем были. Иные переживания, казалось бы, не имеющие отношения к нашему сиюминутному состоянию, появляются и грозят захлестнуть нас:

чистое удивление, всепоглощающая радость или экзистенциальная меланхолия, в которой можно увязнуть.

В другое время безмятежная музыка может убедить нас оставить эмоции и заняться созерцанием менее материальных проблем; по крайней мере, на несколько минут оставить все свои дела. Я могу подтвердить, что это происходило ежедневно, когда я вел утреннюю передачу о классической музыке для национального радио Австралии. Слушателям предлагалось «упасть в обморок от восторга», и это приглашение вскоре стало названием рубрики.

Для многих тысяч людей ранняя утренняя доза «Обморока» стала ритуалом. Тосты подавались вовремя, как раз чтобы послушать что-нибудь негромкое, намазывание веджимайта на хлеб следовало медленному ритму древнего армянского песнопения. Пассажиры поезда излучали блаженство и покой благодаря проникновенной арии сопрано, звучащей в их наушниках. Водители в пригородной пробке мечтательно глядели на стоящий рядом автомобиль и задерживались на парковке в конце пути, закрывая окна, чтобы сохранить пульсацию венецианского барокко. Нам рассказали, что некоторые люди спокойно умерли, а многие были зачаты в эти счастливые моменты музыки.

Мы шутили, что будем регулярно отправлять в мир «посылку восторга», но оказалось, что это шутили мы сами над собой. Казалось, что мы приносим настоящую пользу обществу или, по крайней мере, удовлетворяем какую-то неосознанную потребность многих людей, настолько глубокую, что вскоре им захотелось большего, чем крошечная будничная доза. Настало время для Обмороко-кассет, и была выпущена первая из CD-записей «величайших хитов» передачи.

Мы были оптимистичны в отношении первого из сборников «Обморока» и изготовили 5 000 экземпляров для продажи в Австралии. Даже сегодня, в большей степени, чем в 1995 году, классические релизы продаются в разы

хуже, но мы надеялись, что регулярная реклама на радио обеспечит продажам дисков дополнительный стимул. Очевидно, что это помогло: в течение четырех лет за первым выпуском последовали еще два, продажи серии достигли более полумиллиона экземпляров, каждый из которых получил золотую и платиновую награды и стал самым продаваемым классическим сборником из когда-либо выпущенных в Австралии. Если не принимать во внимание влияние радио, то феномен «Обморока» должен был иметь другое объяснение.

Одной из причин такого успеха, несомненно, стало название, обозначившее соответствующий способ реагирования. На языке шоу-бизнеса это был «крючок». Но это еще не всё. У большинства из нас есть незадействованные эмоциональные кнопки. Поэтому нет ничего удивительного в том, что классическая музыка может (кхм!) играть на нас, как на скрипке. Как же это происходит?

Я верю, что великая музыка дает нам ощущение универсальности человеческого опыта. Напоминает о том, что когда композиторы достигали пика вдохновения, то они рассказывали нам о нас: наших чаяниях, нашей тяге к романтике, склонности к излишествам, стремлении к вечному. Почему же многим эти шедевры (Бетховен не носил парик, у него была такая лохматая шевелюра) Баха, Моцарта и прочих из музыкальной компании в париках кажутся такими непостижимыми, тогда как жизнь самих композиторов хорошо известна? Конечно, ремесло сочинительства требует большой дисциплины. Но стоит оторвать композиторов от забрызганных чернилами страниц, как начинают вырисовываться все те же старые модели явного незнания, как себя вести. Способность писать прекрасную музыку, похоже, не включает талант обустройства своей жизни. Классическая музыка приятная? Нечасто это самое непосредственное выражение психических и эмоциональных крайностей,

отчасти обман (как сказал бы Эфор), иногда опасное и часто приводящее в замешательство откровение.

Подобно тому как ничего не подозревающий слушатель устанавливает связь между классической музыкой и определенным душевным состоянием, так и эта книга объединяет факты, размышления и мелочи в разделы, примерно соответствующие последовательности эмоций, испытываемых влюбленными. Мы знакомы с каждой из этих стадий — они пробуждают в нас лучшие и худшие черты, классическая музыка черпает и в них вдохновение, ведя нас по их извилинам дорогам.

Подобно тому как во время прогулки цветы, замеченные сегодня, сменяются другими завтра, «Обморок» приводит доводы в пользу произвольности. Неизбежно я проложил собственный своевольный путь через горы данных, заполняющих обширный музыкально-исторический ландшафт (действительно, жизнь слишком коротка для некоторых биографий), и здесь в расположении материала с приведенными заголовками чувствуется отчетливое влияние музыкального альбома. В каждом разделе будет дан портрет композитора, чья жизнь служит примером эмоциональной «темы» раздела. Как и всё остальное в этой книге, эти жизнеописания не являются даже отдаленно официальными, представляя собой в лучшем случае анекдотическое изложение фактов; нет и намерения перечислить десять «лучших» композиторов. Их присутствие здесь — потакание автора своему вкусу; это композиторы, которые много значили для меня и к музыке которых меня непреодолимо влекло. Разъясняя природу этого влечения, я надеюсь на собственном примере вдохновить вас на изучение музыки и жизни великих композиторов или на повторное прослушивание произведений, которые проскочили мимо вас незамеченными. В следующий раз будет гораздо больше людей, с которыми можно встретиться, и историй, которые можно рассказать. Считайте, что это первый том.

Наши собраты по несчастью в этой книге — в основном представители «романтического» периода Европы XIX века. В конце концов, они хотели, чтобы эмоции в музыке стали формой искусства. В список включен лишь один ныне живущий композитор, и только потому, что я хорошо его знаю и чувствую, что могу говорить о нем с такой неприкрытой самонадеянностью.

Нет ничего труднее, чем говорить о музыке.

Камиль Сен-Санс,

1835–1921

И

это еще мягко сказано. Другие считают это бесполезным занятием, кульминацией которого стало знаменитое высказывание, приписываемое всем: от Телониуса Монка до Элвиса Костелло, о том, что писать о музыке — всё равно что «танцевать об архитектуре». Поскольку эта книга ни в коей мере не является серьезной попыткой решить эту проблему, я готов признать, что попытки «объяснить» музыку неуместны, когда музыка «о чем-то», чего не существует в словах. Мир полон максим, вроде той, что музыка начинается с места, где заканчиваются слова. Многие (среди них и наш новый знакомый Игорь Стравинский) утверждают, что музыка вообще ничего не выражает. Возможно, не в каком-то объективном смысле, но я долгое время доносил музыку до людей, и этот опыт научил меня, что музыка — это то, что она значит для нас, то, что она в тебе пробуждает. При первом прослушивании мы интуитивно связываем ее с нашим эмоциональным «я». Если мы обнаруживаем, что по каким-то причинам не можем этого сделать и она нам непонятна — то ли человек рядом храпит, то ли при воспроизведении в iTunes постоянно

возникают пробелы в треке, — мы теряем терпение и идем дальше. Естественные спонтанные реакции нельзя развить и модифицировать, а вот терпение и навыки — можно. Вот здесь-то и пригодится пара слов.

О музыке для новичков можно узнать на так называемых курсах «музыкальной культуры». Это ужасный термин. Научиться «ценить» хорошую музыку — это всё равно что научиться терпеливо изучать личность своего супруга в браке по расчету в поисках хоть каких-то положительных качеств. Конечно, многие такие браки бывают удачными, но только после того, как партнеры приходят к согласию. В наши дни мы не хотим тратить двадцать лет на то, чтобы приспособиться к бетховенской симфонии.

На самом деле мы стремимся к самореализации, не забывая при этом о романтике и эмоциях. Это касается как людей, так и симфоний, сонат и опер. Мы не просто знакомимся с Бетховеном, мы встречаемся с ним на «быстром свидании», поэтому первые впечатления имеют большое значение. В конце концов, человек учится видеть или слышать доброту, скрывающуюся за внешностью. Впрочем, это только поможет, если вы будете немного очарованы во время первого ужина.

Поэтому моя самопровозглашенная задача — познакомить вас с несколькими друзьями, скажем, с Чайковским, и указать на несколько черт, которые могут быть у вас с ним общими, после чего оставить вас наедине. Я не буду рассказывать о том, как следует слушать Пятую симфонию Чайковского, равно как и не буду пытаться рассказать, о чем (если она вообще о чем-либо) эта симфония и как Чайковский ее писал. Это было бы попыткой серьезно писать о музыке, а эта книга, как ни странно, совсем не о музыке. Здесь будет много советов, но ни один из них не будет сформулирован в философских терминах. Философия пытается найти решения, в то время как мы будем просто рассматривать проблемы.

Нет, это книга о жизни, а точнее, о чувствах, вкусах, антипатиях и страстных желаниях нашего внутреннего мира. Когда мы слушаем великую музыку, мы сопоставляем свой жизненный опыт с опытом композитора. Возникающие при этом точки пересечения могут чудесным образом свести нас с теми, кто был настолько добр, чтобы отправить эти музыкальные послания.

Добро пожаловать в огромный, дикий и мудрый мир классической музыки с точки зрения одного серьезного и пожизненного меломана. Оркестр настроился, свет в зале потускнел, и дирижерская палочка дает сигнал к началу романса. Устройтесь поудобнее — вам что-то рассказывают.